

16+

Петр Боцис

Иероним Эгинский

перевод Татьяны Смирновой

Татьяна Смирнова
Иероним Эгинский

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Смирнова Т.

Иероним Эгинский / Т. Смирнова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жизнь и поучения удивительного святого старца двадцатого века, Иеронима.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Петр Боцис

Старец Иероним, молчальник Эгинский

Пролог

Жизнь всякого человека сокровенна, особенно сокровенна жизнь святого. Поэтому я не решился бы писать о старце Иерониме, известном исихасте Эгины, если бы не просьбы многих братьев, знавших о моей духовной дружбе с ним. Чувство своего бессилия и мысль, что я не смогу не только передать, но и даже немного приблизиться к духовным глубинам этого старца, удерживали меня. Ведь он духовно возвысился над нами и был подобен птице, которая, рассекая небесную высь, заглянула за облака и увидела такое, что мы, земные, не можем себе и представить.

Попытка писать о таком небесном человеке подобна попытке маленького червячка описать величие полета орла, парящего на недостижимой высоте небес. И я, наверно, никогда бы не решился на это, если бы не монахиня Евпраксия, которая более сорока лет была его верной и преданной ученицей. Она и уговорила меня заняться составлением жизнеописания старца.

Испросив помощи Божией и молитв старца, я начал эту работу с осознанием своей немощи и с надеждой, что молитвы старца покроют и восполнят все недосказанное мною. Любезный читатель из этого малого да постигнет истинное величие старца

Счастливы, знавшие его близко, утверждают, что образ жизни старца Иеронима во многом отличался от привычного нашего представления о святом. Один известный писатель-богослов метко сказал, что только те, кто хорошо знают святых и Ангелов, могут говорить о старце Иерониме.

Он жил среди нас в простоте и чистоте душевной, был добродушен, как малое дитя, имел зрелость мысли мудреца, рачение и любовь святого. Был преданным последователем поучений аввы Исаака Сирина и в то же время сторонником житийного уклада. Страждущие обретали в нем истинного отца. Духовно мертвые души воскресали от его горячей любви и поры. Вся его жизнь была полна любовью к братьям-христианам и к православию. Его спокойное лицо светилось святостью в непрестанной молитве.

Старец Иероним знал сокровенные мысли, и переживания любой души и открывал тайны, сокрытые в ее глубинах. Он был мудрым наставником, и слова его были плодами его подвижнической жизни.

Представляя эту книгу на суд читателя, я уверяю вас, что в ней нет ничего, кроме простых рассказов самого старца и того, что нам поведали монахиня Евпраксия и другие его духовные чада. Письма и документы взяты из архива, хранящегося у монахини Евпраксии.

Петр Боцис, Афины. Май 1991 г.

Свидетельство святости

В Афинах, как-то вечером в помещении одного религиозного общества собралось пять человек, среди которых был и дьякон, ученик Богословской школы. Говорили о вере, обсуждали разные богословские вопросы. Неожиданно дьякон, прервав разговор и обращаясь ко всем, сказал:

– Я часто думал, как живут святые. Почему я не встречался с кем-нибудь из них, и как найти-то такого в наше время?

– И все же, – ответил кто-то, – и сейчас есть святые.

И я даже знаю одного.

– Ты знаешь святого? Где он? Если ты говоришь правду, то я готов пойти и па край света, только бы увидеть его.

– Тебе не придется так далеко ехать. Потрудишься добраться до Эгины и там его увидишь.

– Где он живет? Как его зовут?

– Когда сойдешь с катера на Эгине, спроси, где живет о. Иероним. Там его все знают, и скажут, как его найти.

Вскоре собеседники разошлись. Через несколько дней они вновь встретились, и тот, кто посоветовал дьякону посетить о. Иеронима, спросил:

– Как дела, отче, ездил ли ты на Эгину?

– Да, – ответил дьякон, и на его лице появилась радостная улыбка.

– И как? Убедился?

– Брат, я так благодарен тебе, ты посоветовал мне поехать и увидеть святого. Когда я встретил его, то почувствовал такую радость, будто встретил Самого Христа.

Какой же это человек! Я получил такое утешение, такой прилив душевных сил – мое сердце трепетало от радости. Рядом с ним я почувствовал себя малым ребенком.

Все мои знания померкли рядом с его простым и благодатным словом. Это действительно святой. Брат, не знаю, как и отблагодарить тебя. Больше радости ты и не мог мне доставить. Да воздаст тебе Господь.

Таким было свидетельство одного из тех, кто удостоился встречи с о. Иеронимом, эгинским старцем. Все, кто знал его, так или иначе рассказывали о нем с одинаковой радостью, с одинаковой любовью и почтением. Его простота, смирение и святость жизни запоминались всем, кто его посещал, и он становился им отцом, братом, другом, а главное, мудрым наставником. Потому-то народ Божий, чувствуя святость, и спешил к нему за Божественными наставлениями. Люди получали утешение в скорбях и неудачах, поддержку в житейских испытаниях. И он с великой любовью, терпением и великодушием принимал всех и отдавал каждому частичку своей любви: одному утешение, другому крепость, а иному указывал и путь к покаянию.

Все вмещались в его маленькой и бедной келье, поскольку любовь его к людям была необъятна. И каждый уходил из этой духовной лечебницы радостным, умиротворенным и исцеленным.

Кто же этот почтенный старец, согревший стольких людей? Откуда прилетела к нам эта пустынная пташка, которая, поселившись рядом с нами, напоила греховную землю своими слезами и превратила ее в духовный оазис, где любой путник находил прохладу и утешение?

Проследим же земной путь этого ангела во плоти, который своей святой жизнью воодушевил многих на Эгине, в Греции и во всем православном мире и показал, что в наше время можно достичь святости, если всецело предаться Богу.

Большой материк

Отец Иероним, в миру Василий Апостолидис, родился в 1893 году в Малой Азии, на этом «большом материке», как его метко назвал Контоглу, в городке Гельвери в Капиадокии, откуда происходили величайшие святые нашей Церкви: святитель Василий Великий, святитель Амфилохий Иконийский и другие.

В Гельвери ко времени рождения отца Иеронима проживало около четырех тысяч человек. Он считался одним из важнейших торговых центров области и подчинялся Иконийской митрополии.

В древние времена на месте Гельвери находились кельи и монастыри, устроенные, словно орлиные гнезда, на скалах и у их подножий. Там, в пещерах, и жили подвижники. Само название городка подтверждает эти сведения. Гельвери – искаженный вариант названия Келивара, смешанного греко-турецкого слова, и означает: «место со множеством келий». Подтверждается это тем, что в Гельвери существовало множество церквей. По свидетельству очевидцев, в прошлом столетии их было более двухсот.

Со временем число равноангельных подвижников в этих монастырях стало уменьшаться. И позже, из-за страха гонений и преследований иноверных завоевателей, монастыри и скиты один за другим оставались. В кельях стали селиться миряне, и, в конечном счете, монашеское поселение превратилось в деревню.

Святые, где бы они ни находились, подвизаются не только для себя, они силой своих молитв и подвигов преображают все окружающее, освящая его. И как есть иконы, которые чудотворят, поскольку написаны святыми,

так и вся та местность, где жили святые, освящается, а ее жители живут под их молитвенным покровом.

Из рассказов и воспоминаний старца Иеронима мы приведем лишь некоторые, те, что помогут немного понять духовную атмосферу, царившую в Гельвери, в то время, когда там жил старец.

Предания Востока

Гельвери считался христианским центром района. В каждом доме была особая комната для молитвы. В стене с восточной стороны находилась ниша, где располагались иконы, кадило, служебные книги и жития святых, крещенская вода и другие святыни. В ней можно было помолиться одному и всем вместе. Были установлены часы общей молитвы: утро, полдень, послеобеденное время, когда звонил колокол в церкви – вечерня, и вечером – повечерие. Многие просыпались в полночь, чтобы прочесть полунощницу, поскольку в этот час, как они говорили, «отверзаются врата небесные». И, конечно, до и после трапезы всегда читались молитвы. Нужно отметить и то, что прежде всякого дела их уста шептали: «Господи, Иисусе Христе». Их усердие к молитве было таким, что многие говорили, что им помогают монахи, ранее жившие здесь.

Соблюдение воскресных и праздничных дней было свято и нерушимо. Не только магазины и мастерские закрывались, но и женщины в домах прекращали всякую работу. Так же свято чтились посты, которые соблюдали с большой строгостью. Даже маленьких детей, только отнятых от груди, приучали к посту.

Многие гельверiotы, особенно женщины, часто вместе ходили в часовню молиться по ночам, рано утром или вечером, преимущественно во время Великого Поста.

Кто-то один вставал на колени посреди церкви и рассказывал всем о Рождестве, распятии Христа или что-либо другое, что знал, а затем все вместе со слезами молились.

Слезам придавалось особое значение. Гельверiotы старались не вставать с молитвы, не проронив хотя бы капельку слез, ведь, как они говорили, слезы имеют великую силу, поскольку «угашают огонь геенский».

Предание Православной Церкви соблюдалось в Гельвери со всей тщательностью. Многие оставляли мир и становились монахами. Чаще это случалось с женщинами. Решившие посвятить свою жизнь Богу уходили в монастыри или, одевшись в монашеское, жили в деревне, занимались исключительно чтением духовных книг, молитвой и доброделанием.

Почти все гельверiotы мечтали посетить Святую Землю. Каждый год осенью собирались небольшие группы и, подготовив все необходимое для путешествия, отправлялись вместе в путь. Это путешествие обычно длилось около шести месяцев. И когда паломники возвращались в Гельвери, у входа в деревню их встречали жители, в так называемом монастырском ущелье. Там славословили Господа и затем все вместе возвращались домой.

Среди двухсот церквей деревни гельверiotы особо благоговейно относились к церквям святых бессребреников Космы и Дамиана и святого Григория Богослова. В праздник святых бессребреников Космы и Дамиана, 1(14) ноября, в Гельвери совершалось большое торжество, в нем участвовали все жители деревни. Святые Косма и Дамиан, безмездные врачи, были их покровителями. Даже турки, жившие в Гельвери, верили в чудотворную силу святых. Есть много случаев, свидетельствующих о той вере, какую имели турки к святым бессребреникам и святому Григорию Богослову. Приведем два из них.

Во время Первой мировой войны, в 1914 году, один гельверiot-турок принимал участие в сражении, длившемся два дня. Сражение было тяжелым, и жизнь его находилась в опасности. В эти страшные минуты он и обратился к святым бессребреникам, которые, как он знал,

были великими чудотворцами. Турок просил их спасти его и обещал им дать все, что бы они ни попросили. Во сне ему явились святые и сказали: «Мы тебя спасем, но ты, вернувшись в Гельвери, принеси в нашу церковь сосуд с маслом». И, действительно, когда турок спасся, то рассказал все своей жене и попросил ее отнести обещанный дар в церковь.

Другой турок рассказывал, что еще до обмена населением¹ одна девочка упала с крыши и совсем не пострадала. В момент падения ее держал за руку святой Григорий и спас ее. После обмена населением с того же дома упала дочь одного турка-иммигранта и разбилась.

По словам турка, святой Григорий переселился в Македонию, поэтому не мог спасти его девочку.

Гельвери был не только центром духовной жизни, но сохранял язык и национальное самосознание. Трудным и тернистым путем шел греческий народ в Малой Азии,

Его главнейшими задачами были: национальное выживание, преданность Церкви, молитвы и живая вера в святых чудотворцев, которые помогали сохранить душевное спокойствие и надежду на лучшее будущее.

Гельверские подвижники

Большое влияние на духовное становление отца Иеронима оказали некоторые подвижники, которые до конца прошлого столетия помогали духовному возрождению жителей Гельвери. Среди них были:

Мисаил

Мисаил был одним из тех подвижников, о которых можно прочитать лишь в житиях святых. Строгий и вместе с тем кроткий, он был похож на пророка, в котором отобразилось все многовековое предание. Он сочетал в себе и строгого пророка и подвижника, проводившего все дни и ночи в молитве. Мисаил стал духовным наставником всех жителей деревни. Как говорил старец Иероним: «Мисаил был вторым аввой Исааком (Сириным), настолько он преуспел в молитве».

У Мисаила была жена, но они долгое время жили как брат и сестра. Он работал для семьи и кормил ее. Днем он трудился один в поместье, чтобы его не видели молящимся. Ночи проводил в часовне, и если возвращался домой, то опять оставался один. Когда Мисаил молился, его сердце сильно разогревалось, и он забывал себя. Он мог оставаться с простертыми руками в коленопреклоненной молитве на протяжении двух дней.

Мисаил всего себя посвятил «умиленной» молитве. Эта «умиленная» молитва, как ее называли в Гельвери, есть не что иное, как умная молитва. Он становился на колени перед иконой или под открытым небом и возносился душой к Богу. Молясь, Мисаил вспоминал свои грехи и проливал обильные слезы, ради которых надеялся получить отпущение грехов. Он часто поднимался в горы и пребывал там в молитве до вечера. Во время молитвы, в борении, он проливал столько пота, что, по словам старца Иеронима, «если выжать его рубашку, то можно было бы набрать около литра воды».

В Церкви, во время Литургии, Мисаил никогда не заходил в храм, а стоял в преддверии или за какой-нибудь колонной, опускал голову на грудь и молился. Когда же иерей произносил отпуст, он бесшумно уходил и отправлялся в какую-нибудь часовню, чтобы там продолжить свою молитву.

Многие видевшие, как он уходит из храма, удивлялись и спрашивали, куда же он направляется. В одно из воскресений, как только Мисаил вышел из церкви, за ним тайно последовало несколько женщин, чтобы посмотреть, куда же он пойдет. А он свернул на тропинку и через некоторое время оказался у часовни. Немного спустя подошли туда и женщины. Мисаил, не заметив их, стал молиться вслух со слезами, воздыханиями и всхлипываниями. Он произносил

¹ Обмен населения – обмен турецким и греческим населением по Лозаннскому договору 1923 года, но стихийно начавшийся намного раньше.

разные молитвы, известные и самим сочиненные, все, что помогало привести в сокрушение его сердце. Так прошло несколько часов в духовном воодушевлении и сердечном сокрушении. Пока Мисаил молился вслух со слезами, женщины вслушивались в это божественное моление.

Мисаил, закончив молиться, вышел из часовни и, увидев женщин, сильно расстроился, и даже рассердился. Он ушел, не сказав им ни слова. Женщины, умиленные тем, что им удалось увидеть, возревновали о Господе и стали говорить друг другу:

– Разве только Мисаила слышит Бог? Почему же и нам не попробовать так же молиться?

И они попробовали. Однако без наставника не так легко было учиться умной молитве. Женщины стали упрашивать Мисаила научить их этой молитве. Он же только объяснил им, что нужно делать, даже не показал, как, и совсем не захотел молиться вместе с ними. Тогда женщины начали просить Господа, чтобы Он вразумил Мисаила не оставлять их.

И ответ не замедлил прийти и, конечно, чудесным образом. Неожиданно к Мисаилу подошел один монах и сказал:

– Мисаил, возьми тех женщин, которые пошли за тобой в часовню, и всех, кого еще хочешь, и вечером приходите в подходящий и вместительный дом. Только не зови равнодушных людей. Там я научу вас умной молитве.

Мисаил послушался, хотя и избегал людей и не хотел с кем-либо молиться. Он позвал женщин, старца Иеронима, бывшего тогда еще маленьким мальчиком, и некоторых других. К вечеру все собрались в назначенном месте. Монах начал молиться со слезами и всхлипываниями. Он произносил разные молитвы и умиленные слова, исходившие из сердца с верой и устремлением, которые свидетельствовали о его горячей любви к Богу.

Так он провел всю ночь, и все опять повторилось в другой и третий раз. К концу третьей ночи, как только он закончил молитву и посоветовал Мисаилу продолжать учить христиан, то пропал из виду. Видимо, это был Ангел Божий или святой. С того времени Мисаил начал обучать желающих «умиленной» молитве, и по вечерам все собирались в разных домах и молились.

У Мисаила была дочь. Истинное чадо своего отца, она унаследовала от него все его добродетели, особое призвание к духовной жизни и была усердна к умной молитве. Мало-помалу она стала собирать разных женщин, учить и наставлять их, и они вместе упражнялись в «умиленной» молитве. Так возникло две группы. Мисаил с мужчинами молился в одной комнате, а его дочь с женщинами – в другой.

Когда девушке исполнилось 18–20 лет, она сильно заболела. Все жители деревни, а особенно женщины, беспокоились. Если с ней что-нибудь случится, они лишатся своего единственного утешения. Все стали молиться, просили Бога днем и ночью, чтобы Он ее исцелил. Ведь для них она была тем человеком, который наставлял их, соединял с Богом. Однако девушке становилось все хуже.

Отчаявшись, они обратились к Мисаилу и просили его помолиться о дочери, зная силу его молитвы и дерзновение, какое он имел к Богу.

– Просим тебя, – говорили они, – помолись Богу о ее выздоровлении. Мы не просим тебя молиться о ней как о дочери, но помолись ради нас. Если мы лишимся ее, потеряем эту единственную нашу помощь и опору, то впадем в отчаяние.

Мисаил сначала не хотел и слушать их, дабы никто не подумал, что он сильно привязан к своей дочери. Его ум был устремлен только к Богу, и в своем сердце он одинаково любил всех людей. Но к настойчивым просьбам женщин все же склонилось его сердце. Итак, по обычаю, в четверг утром, он поднялся на гору, чтобы молиться там до рассвета.

Преклонив колена, Мисаил простер к небу руки и начал молиться. Охваченный Божественной любовью, он пребывал в молитве от «стражи утренней до ночи». Он помолился и о своей дочери не потому, что переживал за нее как отец, но поскольку ему сказали, что она является утверждением и утешением христиан.

Неожиданно он, погруженный в молитву, оторвавшийся от всего земного и вознесшийся душой к небесам, услышал внутри себя тихий Божественный голос:

– Можешь поручиться за свою дочь?

– Нет, Господи, не могу. Я – грешный и знаю непостоянство людей. Сегодня моя дочь творит Твою волю.

Но завтра что? Как мне поручиться? Да будет воля Твоя. Божие посещение его успокоило, и он с еще большим усердием продолжил молитву. К вечеру к нему пришел сосед и известил его о том, что дочь его умерла и ему следует поспешить к ее погребению.

Мисаил принял весть со спокойствием и некоторым облегчением. Он имел твердую веру в Бога и в воскресение мертвых и не позволил себе плакать о временной разлуке с дочерью. Его радость о ее спасении, что чудесным образом открыл ему Господь, превосходила и саму печаль о ее смерти. И, сотворив благодарственную молитву Богу, он отправился в деревню.

Таким был Мисаил. Отец Иероним, очень любивший его, время от времени нам рассказывал о нем. «Таких людей теперь не найдешь, – говорил старец, – он был вторым аввой Исааком».

Мисаил был немногословен, кроток, любил молчание и имел глубокое чувство своей греховности. Он никому не позволял превозносить себя. И если кто решался похвалить его, то Мисаил мог уже больше с ним никогда не заговорить.

Отец Иоанн

В одной из церквей села служил батюшка по имени Иоанн. Он был главой семьи и ежедневно работал в поле, а по воскресным и праздничным дням служил в церкви. Был он очень смиренный, простой и даже неряшливый. Если встретишь его на дороге, то и не заметишь. Если же узнаешь его близко, то откроется человек с редкими духовными добродетелями. Особенно выделял его дар молитвы.

Об этом отце Иоанне старец Иероним нам рассказывал удивительные вещи, которые можно было найти лишь у древних подвижников с пламенной верой.

Вот каким его знали в Гельвери: когда он служил Литургию, то всегда сильно плакал, вздыхал и часто не мог сдержать рыданий. Столько у него было веры, и так глубоко он чувствовал таинство Божественной Евхаристии. Когда же подходило время освящения Честных Даров, его умиление возрастало до предела. Клиросные заканчивали петь «Тебе поем...», причем пели как можно более протяжно, и слышали в алтаре молитвы и вздохи священника. Они начинали петь заново «Тебе поем...».

Часто им приходилось повторять это пять-шесть раз, пока отец Иоанн не заканчивал освящение даров и не произносил: «Изрядно о Пресвятей...». Когда же задержка перед «Изрядно» повторилась несколько воскресных служб, певчие стали недоумевать. Они не знали, что делать. Не могли они в этот момент ни спеть что-нибудь другое, ни сделать замечание батюшке, поскольку любили и почитали его. Но однажды о своем недоумении они все же рассказали церковным старостам.

– Батюшка очень затягивает молитву на освящении Честных Даров, и мы не знаем, что нам делать. Мы поем снова и снова «Тебе поем...», так как мы не знаем, что происходит. Как же нам быть? Не попросите ли вы его не затягивать службу в этот момент?

Старосты передали просьбу певчих священнику. Он же ответил:

– Как же мне не затягивать? Это не от меня зависит.

Как только я начинаю читать молитву, престол окружается Божественным огнем, достигающим до 2–3 метров высоты. И я не могу приблизиться. Тогда я падаю на землю и молюсь, до тех пор, пока Господь не удалит этот Божественный огонь или не разделит его надвое, и только тогда я подхожу и продолжаю молитву.

Певчие, услышав такой ответ, подивились святости их батюшки и больше не дерзали ему докучать. Они продолжали петь, как могли более протяжно «Тебе поем...».

И повторяли это столько раз, сколько нужно было для окончания молитвы, стараясь почувствовать некоторое сокрушение с мыслью о том, что происходило в алтаре.

Отец Иоанн был известен своей святостью. В его церкви собиралось множество людей. Часто приходили христиане из соседних деревень, чтобы присутствовать на его службе. Были случаи, когда в его церкви собиралось более тысячи человек! Все чувствовали умиление и плакали. Нередко после святой Литургии можно было увидеть пол церкви влажным от слез.

Чтобы проникнуть глубже в ту духовную атмосферу, царившую в Гельвери, приведем слова самого старца Иеронима о людях того времени:

«Люди на моей родине были ревностны ко всему Божественному. Они были чисты и очень благочестивы, имели страх Божий и большую любовь к Богу. Во время бдений пол омачивался слезами. Мы, дети, имели благочестие, любовь, послушание к родителям и почтение к чужим. В школе нас учили прежде всего благочестию и любви к Богу и родине, а затем – грамоте. Наши православные праздники были великолепны. И все мы спрашивали, когда же они наступят.

Я их очень любил, благоговей перед всем Божественным с малых лет. Когда мы переехали в Грецию, после обмена населением, то были сильно смущены. Мы думали, что в этой стране живут только христиане. А люди здесь богохульствуют, поют мирские песни, одеваются непристойно, не постятся и не ходят в церковь. Увы, – говорили мы, – куда мы попали!? Если бы это было возможно, мы бы тотчас сели на корабль и вернулись бы обратно, на Восток. Там наши села были, как монастыри. Все постились, молились и ходили в церкви. Юноши на полях, а девицы по домам, работая, напевали псалмы, а не пошлые песни, как здесь. Там и не увидишь женщины с непокрытой головой и с короткими рукавами. Здесь же все по-другому. А со временем становится все хуже»...

Благочестивое воспитание

Так жили в Гельвери в то время, когда родился старец Иероним. Его родители, Анестис и Елисавета, были очень благочестивы. У них было шестеро детей: Иоанн, Варвара, Деспина, Василий (о. Иероним), Александр и Ольга. Его отец был гончаром. В работе отцу помогали дети, особенно старший – Иоанн. Гончарное дело является традиционным ремеслом. Глиняные изделия Гельвери славились своей красотой, и их покупали турки и греки.

Работа вынуждала отца часто отлучаться из дома на длительное время, даже и на шесть месяцев. И тогда домашние заботы, в первую очередь воспитание детей, ложились на мать.

Это была женщина с глубокой верой в Бога и с осознанием своей миссии матери-христианки, которая непрестанно учила и наставляла детей идти путем добродетели. Свое беспокойство о детях Елисавета часто изливала в молитве.

Она много времени проводила в молельне, расположенной в подвале дома. Там по вечерам, после утомления и дневных забот, она открывала Богу все свои беды и возносилась к Нему душой, ища Его помощи себе, мужу и детям. Молитва ее утешала. Твердая вера воодушевляла ее и давала силы продолжать трудное дело воспитания детей по-христиански, которому она всецело себя предала. Особенно в те дни, когда отсутствовал ее муж, «сон заставлял ее коленопреклоненной на молитве», как позже рассказывал сам старец.

Свою глубокую веру и пламенную любовь к Богу и молитве она старалась передать и детям. Каждый день она ставила их по очереди читать шестопсалмие, молитвенный канон, вечерню и повечерие, как и другие молитвы. Они молились, а затем вместе ложились спать, а рано-рано, на рассвете, слышали: «Вставайте, время молиться». Она стремилась с детства ввести их в это священное занятие, чтобы они привыкли к нему и преуспели в духовной жизни.

Василий выделялся среди своих братьев. У него были черные кудрявые волосы, жизнерадостное лицо и темные, живые глаза. С малых лет он отличался серьезностью, рассудительностью и трудолюбием. Был отзывчив и одарен искренней и глубокой верой в Бога. Церковь

стала для него домом. Там, помимо Литургии, вечерни и других служб, он проводил много времени в молитве и чтении духовных книг.

Эта внутренняя тяга и любовь к церкви, к храму Божию, часто влекла его в разные часовни, рассеянные в округе. Там он проводил значительную часть дня, «работая Господеви». Он чистил церковь, читал и молился. Нередко после молитвы он засыпал в часовне, а когда просыпался и возвращался в село, часто поздно, то находил родных обеспокоенными его отсутствием. Но он был радостен и смотрел на них тихо и кротко, как бы говоря: «зачем было вам искать меня? Или вы не знали, что мне должно быть в том, что принадлежит Отцу моему?» (Лк. 1:49).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.